

Круглый стол
УДК 303
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

независимый исследователь, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Антон Александрович КИРЕЕВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Ключевые слова: теория и методология регионоведения, регион, типы регионов, региональная система, районообразование, районирование, регионализация, регионализм, трансграничный регион

Для цитирования: Демьяненко А.Н., Киреев А.А. Спорные вопросы теории и методологии исследований регионов: диалог географа с политологом // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 34–43. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Round table
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Controversial issues in the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist

Alexander N. DEMYANENKO

Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

Anton A. KIREEV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Keywords: theory and methodology of regional studies, region, types of regions, regional system, regional formation, zoning, regionalization, regionalism, transborder region

For citation: Demyanenko A.N., Kireev A.A. Controversial issues in the theory and methodology of regional studies: dialogue between a geographer and a political scientist // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 34–43. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/34-43>

Чтобы невольно не ввести читателя в заблуждение, сразу же оговоримся, что, во-первых, мы давно знакомы друг с другом, и, во-вторых, неоднократно обсуждали в разных составах те или иные дискуссионные вопросы методологии региональных исследований [5; 6; 7; 8], прежде чем обратиться к жанру диалога. Мы были бы крайне признательны, если бы наш диалог привлек внимание читателей и побудил принять участие в обсуждении этих "вечнозеленых" вопросов методологии исследований регионов.

Термин "регион", его возможные интерпретации и определения

Демьяненко А.Н.: Термин "регион" имеет широкое хождение в академическом сообществе, сфере государственного управления и повседневных практиках и покрывает целый конгломерат явлений. Однако это не означает, что за ним нет зрелой научной концепции. Еще на рубеже XIX – XX вв. в российской науке сложилась теория районирования¹, в которой район рассматривался как сложная территориальная система, представляющая собой объект не только исследований, но и регулятивного воздействия со стороны государства и негосударственных институтов.

¹ Этот сюжет я достаточно подробно анализировал в [11], а из публикаций последних лет в [10]. Что же касается работ современников тех уже далеких лет, то это прежде всего монографические исследования: [3; 12; 13; 19; 22]. Особого упоминания заслуживает монография В.П. Семенова-Тян-Шанского "Район и страна" [18], хотя бы той причине, что многие идеи, сформулированные в ней, намного опередили свое время и все еще остаются актуальными.

Показательно, что в разработке основ теории экономического районирования принимали участие даже не столько географы, сколько экономисты (прежде всего представители организационно-производственной школы), статистики, инженеры. Так, И.Г. Александров и Н.Н. Колосовский были инженерами-путейцами, С.В. Бернштейн-Коган – выпускник экономического отделения Политехнического института, А.Н. Челинцев по завершении обучения в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства получил звание агронома, Н.П. Огановский окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, выпускником этого же университета, только юридического факультета, был и Б.Н. Книпович, как, впрочем, и А.А. Кауфман. А как не вспомнить В.П. Семенова-Тян-Шанского? Можно привести еще десятки фамилий, но, полагаю, и приведенного перечня достаточно для понимания, что, во-первых, у этой теории не стоит искать одного единственного автора, эта теория была результатом работы многих специалистов из разных областей знания. Иначе говоря, она изначально была междисциплинарной по своей природе, хотя и называлась теорией экономического районирования. Во-вторых, она являлась своего рода ответом на социальный заказ, так как советскому государству была нужна и научно обоснованная (на замену "архаичной" царской) территориальная организация власти, и опять-таки научно обоснованная территориальная организация экономики или, как говаривали в те времена, – народного хозяйства. Поэтому вовсе не случайно, что по большей части основополагающие идеи теории экономического районирования были разработаны активными участниками не только реформирования административно-территориального устройства страны на принципах экономического районирования, но и государственного планирования.

Параллельно, а нередко и пересекаясь, шло формирование теории территориальных производственных комплексов или комбинатов². Последние рассматривались как своего рода ядро или каркас экономической структуры района. При этом четко прослеживалась таксономия (как, впрочем, и типология районов, но об этом чуть попозже): область – округ – район. В конечном счете районы, независимо от таксономического уровня, рассматривались как объекты и субъекты государственного планирования. Эта вполне логичная и имеющая все основания для использования в практике планирования концепция была отвергнута политическим руководством страны, хотя долгое время верность ее принципам декларировалась. Увы, но с некоторых пор возобладало мнение, что советскому государству нужна унификация и централизация и, следовательно, не нужна региональная концепция.

В отличие от России, за рубежом осмысление региона (района) как объекта государственного регулирования произошло не ранее 1950-х гг., то есть в то время, когда теория районирования в СССР стало делом достаточного узкого круга географов-экономистов, а ее применение в практике государственного планирования стремительно приближалось к нулю. Впрочем, справедливости ради, придется признать: регион только в 1990-е годы за пределами нашего отечества стал ключевой категорией не только географии, но и территориального управления.

Столь глубокое в масштабах нашего диалога погружение в историю вопроса, как мне представляется, важно для того, чтобы показать, что региональная концепция, как бы мы ее ни называли, во-первых, очень зависит от социально-экономического и политического контекста, а во-вторых, её эволюция имеет нелинейный характер.

Итак, что в сухом остатке? Прежде всего, осознание того, что региональная концепция становится все более востребованной, что связано с изменением функций государственного управления, в частности, его децентрализацией. Далее регионы все чаще рассматриваются как "социальные конструкты", хотя говорить о каком-либо общепринятом понимании здесь не приходится. И последнее, что следует упомянуть, это то, что регионы могут быть "ограниченными единицами" в управ-

² Помимо уже упоминавшихся мною работ И.Г. Александрова, здесь уместно вспомнить еще и [1; 2; 4], а также работу [14].

лении. Это не означает, что они должны быть исключительными или что они обязательно должны иметь значение в других сферах общества. Последнее особенно трудно поддается пониманию со стороны российских органов государственного регулирования, да и немалой части академического сообщества.

Киреев А.А.: Обратной стороной широкой востребованности термина "регион" стала его крайняя отвлеченность и содержательная эластичность. Чаще всего, этот термин употребляется в самом общем смысле, как любая часть пространства, отличимая от других его частей, независимо от масштаба и способа ее выделения. В своем исходном значении термин "регион" имеет до- и вненаучное происхождение и связан с практической потребностью субъекта власти в делении (делимитации) физического пространства в целях обеспечения контроля и управления³. Научное освоение этого термина, его концептуализация, обобщающее описание его объективного содержания начались только в XIX в., и географической науке в этом принадлежит, конечно, ведущая, пионерная роль. Однако ни теория районирования отечественной географии, ни "региональная концепция" географии западной объединяющим концептуальным ядром для регионоведческих исследований так и не стали. Наряду с ними в науке существует много других дисциплинарных интерпретаций "региона", сформировавшихся вполне независимо, исходя из практических интересов и предметных особенностей соответствующих дисциплин (политологии, теории международных отношений, философии, социологии, культурологии, филологии и др.). Континуум феноменов, описываемый всеми этими разными дисциплинарными определениями региона, выходит далеко за рамки понятия "сложная территориальная система". Ни территориальность, ни системность не являются для них обязательными уже в силу того, что эти дисциплины базируются на иных, негеографических, трактовках категории "пространство". Фактически, если "регион" и объединяет сегодня регионоведческие исследования, то не как научное понятие, а именно как термин, концепт естественного языка с размытой семантикой.

Вы, Александр Николаевич, отмечаете, что в 1990-е гг. регион стал "ключевой категорией" географии и территориального управления. Если исходить из частоты использования самого термина "регион", с этим трудно спорить. Но такая популярность этого термина была приобретена ценой его содержательного выхолощивания. Употребление термина "регион" сегодня не связано с эмпирическими исследованиями, с полевой работой по районированию реального природного или социально-экономического пространства. В настоящее время регионы, как правило, не *выявляются*, а *строятся, конструируются*. Отсюда их постоянно возрастающее изобилие, поразительная легкость и быстрота их возникновения, изменения и исчезновения. Примером подобного спекулятивного конструирования и реконструирования может служить АТР. С конца 1980-х гг. его границы и страновой состав переопределялись неоднократно и радикально. При этом основаниями для таких переформатирований являлись обычно не результаты исследований товарных и инвестиционных потоков, миграций или передислокаций военных баз, а политические заявления, создание новых международных институтов или просто ценностные суждения экспертов. Безусловно, международные потоки материальных ресурсов многомерны, и вывести из их конфигурации однозначную картину региона трудно, но едва ли это может быть оправданием для того, чтобы, не обращая на них внимания, рисовать ментальные карты АТР на некой, якобы, "чистой доске".

Демьяненко А.Н.: То, что региональная (районная) концепция не стала концептуальным ядром для регионоведческих исследований, как утверждает Антон Александрович, – это не проблема районной концепции, это – беда тех исследователей, независимо от их дисциплинарной принадлежности, которые по тем или иным причинам оказались с ней незнакомы или просто не смогли ее должным образом оценить, а следовательно, и применять в рамках своих социально-гума-

³ Со времен Римской империи термин использовался в значении "подвластная территория". Ср. близкие ему русскоязычные термины из управленческой практики – *волесть, область*.

нитарных дисциплин. Кстати, Антон Александрович, когда вы обучались в университете, вас знакомили с районированием, скажем, физико-географическом или экономическим? А как часто вы слышали в университетских аудиториях что-то о природно-территориальных комплексах (ландшафтах, геосистемах) или о территориально-производственных комплексах?

Что же касается региональной концепции в ее сегодняшнем виде, то давайте отделять "мух от котлет". Есть региональная концепция, и это не только термин "регион" или его отечественный аналог "район", но и практика государственного управления. Так вот, если система государственного управления "заточена" на централизацию и унификацию и в конечном счете на поиск простых решений сложных проблем, в том числе и организации пространства, то региональная концепция или теория районирования (суть не в словах) оказывается просто не востребована.

И последняя ремарка, имеющая отношение к множественности дисциплинарных интерпретаций термина "регион". Действительно, более удачно в данном случае будет не "сложная территориальная система", а – "сложная пространственная система". Что же касается утверждения: "Фактически, если "регион" и объединяет сегодня регионоведческие исследования, то не как научное понятие, а именно как термин, концепт естественного языка с размытой семантикой", то оно представляется мне излишне категоричным.

Генезис регионов, его факторы и механизмы

Демьяненко А.Н.: Говоря о генезисе регионов (районов), следует различать районообразование и районирование. Районообразование – есть объективно обусловленный процесс, порождаемый территориальным (географическим) разделением труда. Районирование – это исследовательская техника, позволяющая выявить и оконтурить пространственные системы.

Киреев А.А.: Районообразование (регионогенез) может быть и объективно, и субъективно обусловленным. Стихийное, объективное образование регионов, в т.ч. под действием разделения труда, рыночного обмена, этнических и культурных связей, природных факторов, – это регионализация. В данном случае нет цели сформировать регион, он возникает как незапланированный, побочный продукт децентрализованных массовых действий (процессов). Субъективная же разновидность районообразования предполагает субъекта, намеревающегося создать регион для получения возможности целенаправленного воздействия на эту часть пространства. Такая разновидность районообразования – регионализм – появляется вместе с оседлыми человеческими общностями, с устойчивой пространственной организацией, границами и властью. Регионализм неразрывно связан с различными формами коллективной субъектности, суверенитета – от общинного и племенного до государственного и надгосударственного. Районирование как аналитический метод и управленческая технология является своего рода посредником между регионализацией и регионализмом. Его цель не в создании, а в выявлении объективно уже существующего, в его переводе на субъективно от-refлексированный и управляемый уровень реальности. Это актуализация одного из объективно возможных вариантов деления пространства на основе того или иного сознательно выбранного признака (комплекса признаков).

Демьяненко А.Н.: Согласен, что районообразование или, как предпочитает говорить Антон Александрович, районообразование может быть обусловлено как объективно, так и субъективно. Но к этому пришли не сразу. Более того, по мнению Л.В. Смирнягина, объективность района была "проклятым вопросом" отечественной теории районирования⁴. Попробую пояснить, в чем тут дело. Многие десятилетия отечественные экономико-географы тщились доказать (опираясь по

⁴ Рекомендую не только его статью "Объективность района как "проклятый вопрос" районирования" [20], опубликованную в 2004 г., но и целиком весь цикл его работ по теории, истории и методике районирования. Это знакомство будет полезно не только для политологов, но и для всех, кто в той или иной мере интересуется районированием и районообразованием.

известным причинам на единственно правильное учение), что (экономический) район объективен, то есть материален. Тогда как их коллеги (не все, но многие), не испытывавшие идеологического давления, полагали, что район – это интеллектуальная концепция. В конце концов за пределами нашего отечества возобладала точка зрения, согласно которой дискуссия об объективной и субъективной природе района есть нечто малопродуктивное. Здесь, наверное, есть смысл вспомнить Лао Цзы, который говаривал: "Все вещи в мире исходят из сущего, а сущее исходит из несущего" [15, с. 78].

Киреев А.А.: Спор о природе региона сам по себе не может быть малопродуктивен. Он нацелен на определение решающего фактора генезиса и развития региона, без выявления которого управление им невозможно. Разумеется, что всякий фактор может стать решающим лишь в некоторых пространственных и временных пределах. Именно в этих пределах он и должен быть выявлен.

Разнообразие регионов, его пределы и способы типологизации

Демьяненко А.Н.: Для начала следует внести ясность в то, что представляет собой социальное или социально-экономическое пространство, в противном случае суждения относительно регионов могут превратиться в схоластику чистой воды. И само собой нам придётся сослаться на А. Лефевра и его последователей (а это не только социологи, но и географы) в их суждениях относительно социального пространства⁵. Если предельно кратко, то социальное пространство включает и системные, и несистемные пространственные объекты. Регионы (районы) представляют собой системные объекты. Искать какие бы то ни было универсальные типологии регионов, на мой взгляд, занятие бесперспективное, как, впрочем, и некие пригодные на все случаи жизни сетки районов. И районирование, и типологии всегда выстраиваются под ту или иную исследовательскую или прикладную цель. С точки зрения структуры, а точнее пространственной организации власти, регионы разделяют на два основных типа: иерархические и сетевые. Первые имеют единый центр принятия решений (что не исключает делегирования полномочий), вторые – множество таких центров, что предполагает самоорганизацию. Кроме того, по критерию масштаба, могут быть выделены регионы (районы) различного таксономического уровня. Ареалы и другие несистемные пространственные объекты (лакуны) регионами не являются, но при определенных обстоятельствах могут таковыми стать.

Киреев А.А.: Полагаю, что регион – это родовое понятие, которое охватывает обширный спектр видовых пространственных форм, типологизируемых по многим основаниям. С точки зрения сложности, т.е. степени взаимной связности элементов региона и его целостности, континуум регионов простирается от предельно простого ареала, целостность которого основана только на одном общем признаке, присутствующем у множества входящих в него объектов, до сложной региональной системы, единство которой базируется не только на сходстве, но и взаимосвязанности и взаимозависимости признаков ее элементов. Исходя из качественного субстрата регионов (вида составляющих их объектов и их связей), они могут быть типологизированы на природные, общественные и ментальные, в свою очередь имеющие ряд подтипов. С точки зрения же пространственной размерности регионы каждого качественного субстрата разделяются на последовательности таксономических единиц разного масштаба.

Следует отметить, что наиболее сложные "интегральные" регионы могут являться полисубстратными образованиями и иметь множественную (n-мерную) пространственную размерность, т.е. быть вписанными одновременно в две и более пространственные таксономии. Так, РДВ может рассматриваться как сложная макрорегиональная система (интегрированная, прежде всего, административно), ко-

⁵ Прежде всего, это монографическое исследование, давно ставшее классикой: [16]. И если А. Лефевр задал своего рода вектор "пространственного поворота" в социально-гуманитарных дисциплинах (отчасти этот сюжет был рассмотрен в [7]), то в работах Э. Соджи и Д. Харви [21; 27] географы стали проявлять все больший интерес к теориям общественного развития, что нашло отражение в переосмыслении природы региона и подходов к его исследованию [6].

торая соединяет в себе отраслевые макрорегионы ландшафтного, экономического, культурного и иных субстратов, границы которых на разных таксономических уровнях – от макро- до микроуровня – в определенной степени коррелируют друг с другом, но не совпадают. Например, с точки зрения экономического субстрата РДВ не является единой системой, совпадающей с административными границами ДФО. В границах ДФО существует несколько территориальных экономических систем, часть из которых являются трансграничными, т.е. пересекающими не только административные, но и государственные рубежи, а именно границу РФ и КНР [5].

Структурные формы и функции регионов

Демьяненко А.Н.: Регион – это системное образование, организованное целое. Поэтому идентификацию региона следует начинать с определения реального или потенциального организующего центра, переходя затем к выявлению региональной периферии и границ. Регион невозможен без той или иной структуры центр-периферийных отношений. При этом центров в структуре региона может быть несколько.

Структура региона отражает устойчивое взаимодействие элементов региональной системы. Она создает предпосылки как для возникновения эффектов эмерджентности, так и для адаптации региона к внешней среде, к ее изменениям. Адаптивная динамика регионов имеет нелинейный, зачастую циклический, характер и обусловлена их функциональной зависимостью не только от "законов" региональной системы более высокого порядка, но и от других регионов.

Киреев А.А.: Степень внутренней неоднородности и организованности регионов крайне вариативна. Однородный ареал – это тоже региональный сегмент пространства. Более того, все регионы так или иначе начинаются с ареалов и заканчиваются ареалами (например, культурные регионы прошлого существуют для нас сегодня как археологические ареалы однотипных артефактов). Гомогенность совокупности объектов есть необходимая предпосылка формирования, с одной стороны, связей между ними, а, с другой – неравномерности в их пространственном распределении. На этой основе происходит стратификация и поляризация пространства, которая в конечном счете воплощается в генезисе его центр-периферийной или сетевой структуры. Ситуация же исходной гетерогенности объектов конкретного сегмента пространства, отсутствия в нем базового ареала, блокирует процессы генезиса региона.

Региональная система – это весьма редкая разновидность региона. Подавляющая часть пространственных образований, обычно именуемых регионами, полноценными системами не являются. Критически важный признак региональной системы – ее способность к самоподдержанию и саморегуляции, к устойчивому воспроизводству. Ярким проявлением этого выступают ситуации, когда регионы сохраняются, несмотря на существенное изменение условий среды, или даже воссоздаются после временного распада. Основой для способности региона к самоподдержанию служит сложившийся функциональный цикл, т.е. наличие у региона специфической внешней функции ("выхода" общественных ресурсов, востребованных другими, смежными и вмещающими, системами) и комплекса обеспечивающих ее реализацию внутренних функций. Без формирования подобного цикла (циклов) профилирующей системообразующей деятельности никакие количество, плотность и устойчивость внутренних связей в регионе системой его сделать не могут.

Демьяненко А.Н.: Ареал, будь он однородный или неоднородный (?), это только часть территории или пространства, в пределах которой (которого) мы наблюдаем тот или иной объект или явление, и не более того. Регион или район здесь ни при чем. Что же касается однородных районов, то, скорее всего, это не более чем абстракция. А вот то, что район как сложная пространственная система – редкость, это так. Кстати, более восьмидесяти лет назад на это обратил внимание А. Лёш [17]. Конечно, в этом случае сложность обеспечивается не путем наложения друг на друга разнокачественных полей, а их взаимопроникновением. А это уже теория сложных систем и, скорее всего, тема отдельного рассмотрения.

Глобализация и регионообразование: связи и противоречия

Демьяненко А.Н.: Процессы глобализации (унификации) и регионализации (диверсификации) – это две стороны одной медали. В их взаимодействии регионы трансграничного типа выступают в качестве своего рода соединительного "шарнира". Трансграничный регион – одновременно дитя и глобализации, и регионализации. При этом в определенные периоды времени и в определенных локациях доминирование переходит то к одному, то к другому процессу, что отражается в состоянии трансграничных регионов.

Киреев А.А.: Думаю, что отношения между глобализацией и регионализацией (точнее, регионогенезом) не столь однозначны. Регионообразование может быть частью глобализации как процесса интеграции и унификации мирового общества, ее этапом, подготовительной ступенью. В этом смысле образование новых регионов, как трансграничных, так и транснациональных, является, по сути, малой или суб-глобализацией. Но регионообразование может стать и контрглобализационным процессом, противодействующим глобализации, защищающим от ее рисков и последствий [23]. Такой контрглобальный регионогенез имеет множество форм. Это не только образование внутринациональных регионов, вплоть до микропространств обособленных территориальных сообществ, – чайнатаунов и иных этнических кварталов, анклавов религиозных общин, социальных "gated communities"⁶, наподобие коттеджных поселков, и т.п. Противодействие глобализации может воплощаться и в наднациональной, в т.ч. трансграничной, интеграции, принимая форму межгосударственных блоков, консолидации стран или их районов по этническому, культурному или религиозному признаку. Такие объединения вовсе не обязательно отрицают существование глобальной общности, но не наделяют ее субъектностью, оставляя роль самостоятельных, первопорядковых акторов за собой. Не следует считать, что любая трансграничность, повышая проницаемости государственных границ автоматически приближает мир к унификации и единству. Иногда она означает лишь формирование нового контура границ, превосходящего старый по своей четкости и жесткости.

Демьяненко А.Н.: Конечно же, все много сложнее. Но у меня не было желания входить в детали, мне представлялось важным выделить главное. И все-таки в настоящее время все чаще на повестке не столько глобализация в ее традиционном понимании, сколько "Мир регионов".

Структурная и функциональная специфика трансграничных регионов

Демьяненко А.Н.: Обычно трансграничность ассоциируется с государственной границей, международными отношениями, интеграционными (реже дезинтеграционными) процессами, внешней политикой и геополитикой. И я полагаю, что Антон Александрович много о чем может рассказать относительно перечисленных понятий и подходов к их исследованию. Поэтому очень кратко и только о том, что представляет интерес для меня как географа.

Возможно, самое главное заключается в том, что трансграничность – это не только явление, имеющее отношение к сфере международных отношений. Помимо, не менее интересна трансграничность и внутри государственных границ. Когда же она накладывается на трансграничность между государствами, то ситуация становится еще более сложной, а следовательно, все более интересной, и не только для географов.

Специфика трансграничных регионов как систем имеет, прежде всего, функциональный характер. Любой трансграничный регион выполняет две основные функции. Первая состоит в том, чтобы обеспечить стабильное социальное и экономическое развитие тех интраграницных регионов (двух или более), подсистемой которых данный трансграничный регион является. Вторая функция заключается в создании условий для включения более крупных, макрорегиональных и нацио-

⁶ "Gated community", букв. "сообщество за воротами", "закрытое сообщество", термин, описывающий различные формы приватизации пространства и физического разделения территорий проживания социальных групп, неравных в имущественном отношении. См.: [26].

нальных, пространств в глобальные (субглобальные) пространства. В то же время необходимо учитывать, что помимо общих все трансграничные регионы обладают и специфическими функциями. И, наверное, здесь начинается самое интересное, во всяком случае для географа: во-первых, государственная (или шире – политическая) граница – это не просто линия, а сложный феномен, неразрывно связанный с территориальными практиками (символикой, институтами и смыслотворчеством); во-вторых, граница трансграничного региона – это нечто подвижное, находящееся в состоянии постоянных изменений, в отличие от государственной границы.

Киреев А.А.: Далеко не все трансграничные регионы являются системами, степень их внутренней интегрированности различна. Вообще говоря, если трансграничный регион уже стал полноценной системой, достиг высокого уровня единства и самодостаточности, то это значит, что он перестал быть трансграничным. Трансграничность региона – это его принадлежность к двум и более региональным надсистемам, двойная (множественная) функциональная субординация, дву- или многоядерность его структур. Сам по себе трансграничный регион – это неустойчивая структура, находящаяся в состоянии непрерывного балансирования интеграционных и дезинтеграционных тенденций в динамиках своих интраграничных частей. У этого балансирования, на мой взгляд, может быть три возможных исхода. В случае, если интеграционные тенденции оказываются максимально сильными, трансграничный регион может поглотить участвовавшие в его формировании интраграничные регионы, функционально и структурно замкнуть их на себя, стать для них региональной надсистемой, включенной, в свою очередь, в глобальные функциональные циклы. Если интеграционные тенденции не столь сильны, чтобы охватить интраграничные регионы-участники целиком, они могут привести к сепарации их непосредственно взаимодействующих частей и появлению функционально обособленной системы, которая в зависимости от меры внутренней связности будет иметь формат нового государства или самоуправляемой территории⁷. Если же тяготение со стороны центров и структур одного из участников трансграничного региона преобладает над интеграционными процессами, то остальные участники будут вовлечены в его функциональный цикл, и трансграничный регион превратится в механизм ассиметричного развития⁸, в подсистему в составе ведущего интраграничного региона.

Демьяненко А.Н.: Сначала несколько слов относительно сказанного о структурной и функциональной специфике трансграничных регионов. Действительно, трансграничные регионы неустойчивы, действительно, возможны различные сценарии их динамики, которые зачастую крайне сложны для прогнозирования. Тут у нас с Антоном Александровичем нет расхождений.

Поэтому перехожу к своего рода подведению итогов нашего диалога. Как говорил ведущий телевизионной программы "Культурная революция", обращаясь к участникам дискуссии: "Вы изменили свою точку зрения?" Мой ответ: нет, не изменил, да и трудно меняться на восьмом десятке лет. Тем не менее, обмен мнениями с Антоном Александровичем был полезен, смею надеяться, может быть, и для читателей журнала. Во всяком случае, хочется надеяться на это. На что еще подвиг меня этот обмен мнениями, так это на то, что региональная концепция необычайно быстро меняется, хотя ее "твердое ядро" остается неизменным. Изменения, как правило, обусловлены тем контекстом, в котором действуют исследователи, и поэтому неизбежно появление в обозримом будущем все новых и новых исследований, которые будут иметь дело с "регионом", "пространством", "местом", "территорией", "ландшафтом" "ареалом". Каждый из перечисленных терминов выполняет свою концептуальную работу на главном интеллектуальном перекрестке геогра-

⁷ Ближе всего к созданию таких самоуправляемых и функционально обособленных трансграничных территорий подошли некоторые из еврорегионов. См.: [25].

⁸ Ассиметричный регионализм особенно характерен для развивающихся стран Юга. См.: [24].

фии (а может быть, и не только географии) – там, где встречаются человек и природа.

Литература

1. Александров И.Г. Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов. М.-Л., 1931.
2. Александров И.Г. Днепрострой. М.: Плановое хозяйство, 1927. 77 с.
3. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.-Л.: Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
4. Александров И.Г. Проблема Ангары. М.-Л.: Соцэкиз, 1931. 116 с.
5. Барбенко Я.А., Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Леонтьева Э.О., Мишина Н.В., Украинский В.Н., Ярулин И.Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84.
6. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
7. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М., Леонтьева Э.О., Малкова Н.Ю., Украинский В. Н., Ярулин И.Ф., Ячин С.Е. "Пространственный поворот" и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
8. Бочарников В.Н., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Барбенко Я.А., Караман В.Н. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?" // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 79–92.
9. Демьяненко А.Н. Постмодерн, пространственный поворот и отечественная социально-экономическая география // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 1. С. 19–34.
10. Демьяненко А.Н. Районная концепция в отечественной и зарубежной социально-экономической географии: а не перечитать ли классику еще раз? // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры. Сборник научных статей. Владивосток, 2023. С. 28–38.
11. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: КГУП Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
12. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М.: Госиздат, 2021. 48 с.
13. Книпович Б.Н. Сельскохозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
14. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. Сб. 6. М.: Географиз, 1947. С.133–168.
15. Лао-Цзы. Книга пути и достоинства. М.: АСТ, 2023. 192 с.
16. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
17. Лёш А. Географическое размещение хозяйства М.: ИЛ, 1959. 455 с.
18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
19. Скворцов А.И. Хозяйственные районы европейской России. Вып.1. СПб., 1914. 180 с.
20. Смирнягин Л.В. Объективность района как "проклятый вопрос" районирования // Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004. С.103–120.
21. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 576 с.
22. Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1911. 135 с.
23. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. Ed. by M. Farrell, B. Hettne, and L. Van Langenhove. Pluto Press, 2005. 321 p.
24. Krapohl S. Asymmetries and Regional Integration: The Problems of Institution-Building and Implementation in ASEAN, MERCOSUR and SADC. Vortrag: Arbeitspapier für den zweiten Bamberger Sommerworkshop zur vergleichenden Regionalismusforschung im Juni 2010 und für die KFG-Konferenz 'The Diffusionen-3-of Regional Integration'. Berlin, 2010.
25. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171.
26. Roitman S. Gated communities: definitions, causes and consequences // Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning. 2010. Vol. 163(1). P. 31–38.
27. Soja E. Postmodern Geographies. London, New York: Verso, 1989. 266 p.

References

1. Alexandrov I.G. Geographical centers of new construction and the problem of regional factories. M.-L., 1931.
2. Alexandrov I.G. Dneprostroy. M.: Planning Economy, 1927. 77 p.

3. Alexandrov I.G. Fundamentals of economic zoning of the USSR. M.-L.: Economic Life, 1924. 76 p.
4. Alexandrov I.G. Angara problem. M.-L.: Sotsekgiz, 1931. 116 p.
5. Barbenko Ya.A., Blyakher L.E., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Leontieva E.O., Mishina N.V., Ukrainskiy V.N., Yarulin I.F. Transborder regions of the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 73–84.
6. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Kuznetsov A.M., Yarulin I.F. Region: problems of conceptualization, identification and construction // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 67–76.
7. Blyakher L.E., Dem'yanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva Yu.A., Lebedeva M.M., Leont'eva E.O., Malkova N.Yu., Ukrainskij V.N., Yarulin I.F., Yachin S.E. "Spatial turn" and its interpretation in Russian science and institutional practice // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 2. P. 46–59.
8. Bocharnikov V.N., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Barbenko Y.A., Karaman V.N. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible?" // Oriental Institute Journal. 2020. № 3. P. 79–92.
9. Demyanenko A.N. Postmodern, spatial turn and native socioeconomic geography // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 1. P. 19–34.
10. Demyanenko A.N. Regional concept in domestic and foreign socio-economic geography: shouldn't we re-read the classics again? // Geosystems of North-East Asia: natural, natural resource and socio-economic structures. Collection of scientific articles. Vladivostok, 2023. P. 28–38.
11. Demyanenko A.N. Economic zoning: issues of theory and history. Part I. Khabarovsk: KSUP Khabarovsk Regional Printing House, 2010. 224 p.
12. Knipovich B.N. On the methodology of zoning. M.: Gosizdat, 2021. 48 p.
13. Knipovich B.N. Agricultural zoning. M.: Novaya Derevnnya, 1925. 192 p.
14. Kolosovsky N.N. Production-territorial combination (complex) in Soviet economic geography // Questions of geography. Vol. 6. M.: Geographgiz, 1947. P.133–168.
15. Lao Tzu. Book of paths and virtues. M.: AST, 2023. 192 p.
16. Lefebvre A. Production of space / Transl. from fr. M.: Strelka Press, 2015. 432 p.
17. Lyosh A. Geographical location of the farm M.: IL, 1959. 455 p.
18. Semenov-Tyan-Shansky V.P. Region and country. L.: Gosizdat, 1928. 311 p.
19. Skvortsov A.I. Economic regions of European Russia. Issue 1. St. Petersburg, 1914. 180 p.
20. Smirnyagin L.V. Objectivity of the region as a "damned issue" of zoning // Scientific theories and geographical reality. M.: Eslan, 2004. P.103–120.
21. Harvey D. The Postmodern Condition: A Study of the Origins of Cultural Change. M.: Publishing house HSE, 2021. 576 p.
22. Chelintsev A.N. Agricultural regions of European Russia, as stages of agricultural evolution and the cultural level of agriculture in them. St. Petersburg, 1911. 135 p.
23. Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. Ed. by M. Farrell, B. Hettne, and L. Van Langenhove. Pluto Press, 2005. 321 p.
24. Krapohl S. Asymmetries and Regional Integration: The Problems of Institution-Building and Implementation in ASEAN, MERCOSUR and SADC. Vortrag: Arbeitspapier für den zweiten Bamberger Sommerworkshop zur vergleichenden Regionalismusforschung im Juni 2010 und für die KFG-Konferenz 'The Diffusionen-3-of Regional Integration'. Berlin, 2010.
25. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: Significance and Drivers of Regional Cross-Border Cooperation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 153–171.
26. Roitman S. Gated communities: definitions, causes and consequences // Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning. 2010. Vol. 163(1). P. 31–38.
27. Soja E. Postmodern Geographies. London, New York: Verso, 1989. 266 p.

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Антон Александрович КИРЕЕВ, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Alexander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Anton A. KIREEV, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 27.04.2024

Принята к публикации
(Accepted) 08.06.2024